

— Ты злая.

— Почему, ну почему ты меня бьешь?

Эти два предложения заставили Сун Жань на мгновение замереть, прежде чем она решилась поверить в очевидное: ее прелестная кошечка не переносит даже пятиградусных алкогольных напитков.

Не дождавшись ответа, маленькая пьяница на диване еще больше расстроилась. Ее густые, как вороново крыло, ресницы дрогнули, она тихонько хмыкнула, а щеки залил густой румянец.

— Мне же больно.

Сун Жань села рядом и разгладила подол ее платья.

— Это все потому, что я такая плохая. Прости меня, Сан У.

— Вот именно... ты злая, — невнятно пожаловалась Сан У. — Я тебя ненавижу.

Сун Жань не приняла это признание близко к сердцу. Она и не рассчитывала, что за несколько дней отношение Сан У к ней изменится.

Услышав это, Сан У тут же закрыла глаза руками, а затем чуть раздвинула пальцы, подглядывая сквозь них.

— Тогда кто я? — в спокойном голосе скрывалось едва уловимое волнение.

Неужели Сан У догадалась?

Маленькая кошечка, чьи глаза блестели от слез, была совсем рядом. Сун Жань смотрела на нее и невольно подумала: как бы она выглядела, если бы сейчас, пока она пьяна, надеть на нее ободок с кошачьими ушками? Наверняка очень мило.

— Нет... — в голосе послышалась обида, и она прошептала: — Ты не она.

При упоминании любимого существа губы Сан У тронула улыбка.

— Сяо Хуа — это Сяо Хуа. Она часто прибегает играть в сад, она такая милая.

Сун Жань не знала, говорит ли она буквально, будучи пьяной, или это ее истинные мысли, спрятанные глубоко в душе.

Васильковое винтажное платье подчеркивало ее фарфоровую кожу. Теперь, когда она захмелела, кончик носа, уголки глаз и щеки покраснели, отчего она выглядела еще более трогательно.

Захмелевшая кошечка склонила голову набок, разглядывая Сун Жань. В ее затуманенных, влажных глазах плясали блики. Она слегка нахмурилась и серьезно произнесла:

— Ты... ты Сяо Хуа.

— Она... она ни за что не возьмет меня с собой на прогулку, — глаза Сан У наполнились скорбью и покраснели. — Она только бьет меня.

Уголки губ Сун Жань приподнялись, обнажая ямочки, и она невольно залюбовалась.

— Гм. — Сан У внезапно подалась вперед и коснулась тонким указательным пальцем губ Сун Жань. — Нет, Сяо Хуа... кажется, у Сяо Хуа нет таких пухлых губ.

Закончив, она провела пальцем вверх, по кончику носа и уголку глаза, и остановилась на переносице.

Сун Жань улыбнулась:

— А кто такой Сяо Хуа?

Подумав об этом, она мягко спросила:

— Хочешь выпить отрезвляющий отвар? Или хочешь спать?

Затем, чтобы подтвердить свои слова, Сан У повернула голову и серьезно посмотрела на Сун Жань, часто моргая:

— Ты — злюка.

Но Сун Жань была не настолько бессердечна, поэтому принялась ласково ее уговаривать:

— Ты же сама сказала, что прежняя Сун Жань была мерзавкой. Мерзавку нужно наказывать. Если наша Сан У злится, может, сейчас ударишь меня в ответ?

Сун Жань замерла.

— Не хочу, — буркнула та. — Ты все равно не она.

Сун Жань задумалась над словами Сан У.

— Да, я злюка.

Едва она договорила, как омега, прятая лицо в подушке, тут же села. Ее черные, как водопад, волосы рассыпались по плечам, щеки пылали, и она твердо заявила:

— Я не пьяная.

Ее игривый вид напоминал кошку, которая вот-вот начнет проказничать.

— Значит, ты... — она с трудом подыскала слово, — ты Большая Хуа.

Эти по-детски наивные слова, слетевшие с губ Сан У, показались Сун Жань настолько милыми, что она не сдержала смешка.

Она улыбнулась и легонько сжала руку Сан У:

— Хорошо, пусть будет так. Иди отдохни немного, проснешься — поедим и выпьем лекарство.

Сан У послушно кивнула, не отнимая руки.

Сун Жань не удержалась и свободной рукой взъерошила ее пушистую макушку:

— Наша Сан У такая милая.

— Не милая, — Сан У нахмурилась, и на ее лице появилось грустное выражение. — Они все говорят, что я вонючая.

— Кто?

— Многие, — она принялась старательно перечислять: — Мама, младший брат, одноклассники... очень много людей.

Сердце Сун Жань пронзила острая боль.

Она повела Сан У в комнату. Они шли совсем рядом, и Сун Жань, казалось, чувствовала едва

уловимый аромат флердоранжа, исходящий от девушки. Она все еще улыбалась, но эта улыбка не достигала глаз:

— Ты совсем не вонючая. Это у них просто обоняние испортилось.

На глазах Сан У выступили слезы, и, едва они вошли в комнату, она больше не смогла сдерживаться.

Она вырвала руку из ладони Сун Жань, с трудом вытирая крупные слезы, и очень серьезно кивнула:

— Да, Сан У совсем не вонючая.

Такое зрелище привело Сун Жань в замешательство. Она могла справиться с холодной, нарочито отстраненной Сан У, но не могла видеть, как та плачет.

Прозрачные жемчужины, скатывавшиеся из ее глаз, похожих на глубокие осенние озера, падали не на пол, а прямо ей на сердце. Эта маленькая кошечка была невероятно трогательной.

— Не плачь, — Сун Жань схватила ее за запястье и, вытирая слезы чистой салфеткой, решила подшутить: — А то придет бабайка из окна и заберет тебя.

Сан У тут же замолчала.

Она закусила губу и, глядя на Сун Жань затуманенными глазами, пробормотала:

— Хорошо, я буду слушаться.

Приятная дрожь пробежала по телу Сун Жань. Ее сердце снова было поражено этой очаровательной, не осознающей своей прелести кошечкой.

Выбросив салфетку в корзину, она повела пьяную и на удивление послушную девушку в ванную. Намочив полотенце и хорошенько его отжав, она хотела было вручить его Сан У, но та сама, послушно и осознанно, подалась вперед.

Из-за заметной разницы в росте Сан У слегка приподнялась на цыпочки и тихо прошептала:

— Протри мне лицо.

Сказав это, она закрыла глаза, ожидая, пока та позаботится о ней.

Сун Жань расплылась в улыбке, от которой даже теплый свет потолочной лампы в ванной, казалось, померк.

Она внимательно рассматривала выражение лица Сан У, бережно и нежно протирая кожу, словно имела дело с бесценным сокровищем.

— Готово, открывай глаза.

Сан У послушно открыла глаза:

— Ты pomoжeшь мне принять душ?

Рука с полотенцем замерла:

— Помоешься вечером.

Сан У не стала спорить и сменила тему:

— Я немного устала.

— М? — Сун Жань, приобняв ее, повела из ванной, больше ничего не говоря. Когда они подошли к шкафу, Сан У сделала несколько шагов вперед, достала оттуда ночную сорочку и спросила: — Кажется, у меня совсем нет сил. Поможешь мне переодеться?

После того как в ванной она коснулась фарфорово-белой, нежной кожи кошечки, на кончиках ее пальцев все еще сохранялось тепло. Этот едва тлеющий огонек начал разгораться, постепенно поглощая остатки ее разума.

Неизвестно когда, но за окном начался ливень.

Осенний ветер вместе с влагой ворвался в щель окна. В борьбе с самой собой Сун Жань внезапно пришла в себя.

Она взяла ночную сорочку и мягко сказала:

— Сан У еще маленькая девочка?

— М? — Сан У озадаченно моргнула.

— Только маленькие дети просят других одевать их, — Сун Жань слегка наклонилась и ткнула

пальцем в ямочку на ее щеке. — Так нельзя, нужно одеваться самой.

Выражение лица Сан У стало обиженным, и она ответила:

— Тогда я сама.

— Хорошо.

Сун Жань, не в силах успокоиться, села на диван, ожидая, когда маленькая пьяница выйдет из ванной.

В тот момент, когда дверь ванной открылась, ее взгляд приковало к себе увиденное. Ночная сорочка подчеркивала фигуру Сан У, скрытую под широкой одеждой: черные волосы, белоснежная кожа, изящные ключицы, высокая грудь, тонкая талия и стройные ноги, виднеющиеся в разрезе черного подола.

На мгновение Сун Жань остолбенела, внезапно осознав, что это, кажется, ее собственная сорочка.

Заметив ее взгляд, пьяная Сан У вдруг застеснялась.

Она быстро подошла к кровати и закуталась в одеяло с головой, оставив снаружи только пушистую макушку:

— Спокойной ночи.

— Ошибочка, — невозмутимо поправила Сун Жань. — Сейчас день.

Услышав это, лицо девушки под одеялом стало еще краснее, и она окончательно спряталась:

— Хорошо, тогда... доброго дня.

Она выглядела настолько послушной, что Сун Жань не хотелось уходить. Сидя на диване, она с досадой подумала:

Что же делать?

Кажется, она действительно окончательно и бесповоротно очарована Сан У.